

Опять о Сталине

В секретариате отца мне дали гостевой билет на съезд, на балкон, на самую галерку. Я регулярно посещал заседания. Пропуск на съезд по тем временам – высшая честь, а я там отчаянно скучал. Ораторы выступали по писаному, монотонно-убаюкивающе. Я то и дело дремал. И не я один. Зал оживлялся только к концу заседания, ряды начинали шевелиться, делегаты сначала по одному, потом группками пробирались к выходу, выскальзывали за дверь, чтобы заранее занять очередь в гардероб, в туалет или буфет, в зависимости от обстоятельств. Я это видел своими глазами, так как сидел около самой двери, и меня удивляло – солидные люди, руководят страной, а ведут себя как школьники-мальчишки.

На этом съезде отец о Сталине говорить не собирался, но заставить себя молчать не смог. Он отчаянно боялся возможности пришествия нового Сталина, считал, что еще одной тирании страна не выдержит, и пытался сделать все от него зависящее, чтобы избежать «второго пришествия».

Люди его поколения все болели Сталиным, стремились избавиться от него и не могли. В частных разговорах, на застольях, в выступлениях на различных мероприятиях, раньше или позже, даже против собственной воли, но возвращались к нему. Просто напасть какая-то! Так вел себя не только любивший порассказать о былом отец, но и менее многословные Микоян, Молотов, Каганович. С одной лишь разницей: отец с Микояном Сталина осуждали, а Молотов с Кагановичем – восхваляли.

Постоянно думавший о потенциальной «сталинской» опасности и склонный к незапланированным импровизациям, отступлениям от написанного текста отец не удержался и заговорил на съезде о преступлениях Сталина, о тирании, о недопущении ничего подобного в будущем. Заговорил и не смог остановиться. На сей раз проблему Сталина и сталинизма он обсуждал не на секретном заседании, а со всем миром делился наболевшим, поминал своих друзей Якира и Корытного, помощника Финкеля и множество других, сгинувших бесследно.

Теперь отец сказал куда больше, чем на XX съезде, выговорил все, что копилось в те страшные годы. Большинство присутствовавших, а среди делегатов съезда преобладали сталинисты, посчитало, что отец напрасно ворошит грязное белье. Что было – то было, и быльем поросло. Но плотина молчания прорвалась. Следуя сталинскому же порядку выстраиваться в затылок лидеру, записавшиеся в прения спешно переделывали свои выступления. У председателя КГБ Шелепина телефон звонил не замолкая, члены Президиума просили его пошуровать в архивах, подбросить им «жареного». Сталинисты в душе, они проявляли особое рвение. Если почитать стенограмму съезда, то обнаружится, что наиболее «нейтрально» выступали открытые «антисталинисты» Микоян и Куусинен, а самыми яркими «разоблачителями» оказались «твердокаменные» Шелепин с Полянским.

После всего произнесенного на съезде возник резонный вопрос: что же делать со Сталиным, с его телом, в Мавзолее лежащим бок о бок с Лениным, с названными его именем бесчисленными городами, поселками, заводами, фабриками, колхозами? После XX съезда ничего не тронули, ведь тогда его преступления разоблачали формально секретно.

Не планируя заранее новой антисталинской кампании, отец сам оказался на распутье. Правда, ненадолго. «Поклоняться Сталину, обожествлять тирана – удел рабов», – повторял он, одновременно понимая, что рабское самосознание – сила страшная. И тем не менее, он решился на поступок. Незадолго до окончания съезда предложил его президиуму проголосовать решение о выносе тела Сталина из Мавзолея. Президиум съезда привычно согласился. Напомню, речь идет не об одиннадцати членах Президиума ЦК, а о президиуме съезда, насчитывающем несколько десятков весьма разных людей. Объединяло их одно – они все панически боялись Сталина: раньше боялись живого, теперь – мертвого. Боялись и те, кто продолжал его боготворить в душе, боялись и те, кто его проклинал от всей души. Боялись все и ничего не могли с собой поделать. После того как президиум согласился с отцом, наступало самое страшное: одному из них предстояло выйти на трибуну и перед съездом, перед страной, перед всем миром проклясть и окончательно низвергнуть вчерашнее божество. Одно дело – в коллективе: все «за» и я – один из них. Совсем другое – принять ответственность на себя. Такое по плечу далеко не каждому.

О том, что творилось в президиуме съезда, какие драмы там разворачивались, мы не знаем почти ничего, свидетельств не осталось. Почти не осталось. Только у Мухитдинова да у заместителя председателя КГБ генерала Николая Захарова я отыскал несколько весьма любопытных страничек.

«Вечером, после очередного заседания съезда, мне передали, чтобы я зашел к Хрущеву, – вспоминает Мухитдинов. – Захожу и вижу: у него сидят Подгорный, Микоян, Суслов, председатель КГБ Шелепин и еще кто-то.

– Давайте уберем тело Сталина из Мавзолея и похороним его на Новодевичьем кладбище, где лежат его жена, родные, – говорит Никита Сергеевич.

Общее молчание.

– Никита Сергеевич, его поместили в Мавзолей по решению ЦК, Президиума Верховного Совета и Совета Министров, – осмелился я (Мухитдинов. – С. Х.) заговорить первым.

– Всем это известно, зачем повторять? – перебил меня Козлов.

– Вряд ли народ хорошо воспримет, если мы так отнесемся к останкам покойного. У нас на Востоке, у мусульман, это большой грех – тревожить тело умершего, – продолжал я.

– Не навязывай нам на съезде свои мусульманские обычаи, – оборвал меня Микоян.

– Переносить останки Сталина на Новодевичье кладбище рискованно. Не исключено, что кто-то попытается их украсть. Вряд ли удастся предотвратить это. Получится скандал, и это в то время, когда так хорошо проходит съезд, – после некоторого молчания заговорил Шелепин.

– Ну давайте предложим съезду убрать его из Мавзолея. Ему не место рядом с Лениным. Быть может, похоронить его за Мавзолеем, в ряду известных деятелей? – подумав, произнес Хрущев.

Все согласились.

– Ты, Николай Викторович (Подгорному. – С. Х.) внесешь проект Постановления. Анастас займется перезахоронением. Товарищ Суслов подготовит проект решения, а товарищ Козлов продумает, кому выступать. Желательно, чтобы руководители крупных республик и регионов высказались в поддержку этого решения, – продолжил Никита Сергеевич.

На этом мы все разошлись. На следующий день после вечернего заседания звонит мне в кабинет Козлов и спрашивает, закончил ли я свои дела. Ответил, что заканчиваю.

– Давай поедем вместе в моей машине. Выходи к подъезду, – предложил он. По дороге Козлов жаловался на усталость.

– Пропустим по рюмочке, а хозяйка что-нибудь приготовит, – предложил он заехать к нему в резиденцию на Ленинских горах. Там мы перекусили.

– С участием некоторых товарищей, знакомых с вопросом о Сталине, договорились обсудить его 30 октября на утреннем заседании, как бы спонтанно, в ходе обсуждения проекта Устава, без включения в повестку дня, – рассказывал, пока мы сидели за столом, Козлов. – Председательствовать будет Шверник. В начале выступит первый секретарь Ленинградского обкома Спиридонов. Он расскажет о злоупотреблении властью, беззакониях, массовых арестах, от которых пострадали многие ленинградцы и, ссылаясь на старых большевиков, внесет предложение о выносе тела Сталина из Мавзолея Ленина и перезахоронении в другом месте. Условились, что от партийных организаций народов Закавказья выступит Мжаванадзе.

– Тебе, – продолжал Козлов, – признано целесообразным выступить и поддержать предложение от своего имени, сказать о репрессиях в Средней Азии, и в частности у тебя на родине, в Узбекистане. От Московской организации выступит Демичев, а затем от делегатов Украины и других республик проект постановления предложит Подгорный.

– Насколько мне удобно выступать от всех республик Средней Азии и Казахстана? И это при том, что я уже почти полчаса говорил с трибуны съезда. К тому же, я давно уже не представляю Узбекистан, работаю рядом с вами в Москве. На съезде присутствуют первые секретари коммунистических партий всех республик. Им нужно собраться и договориться, кто выступит от имени региона – Кунаев, Рашидов или другой.

– Не ломай договоренность. Поручается выступить тебе, – возразил Козлов.

– Но кто меня уполномочил на это? Тем более из секретарей ЦК КПСС больше никто по этому поводу не выступает.

– Имей в виду, “хозяин” сильно обидится, – предупредил меня Козлов.

Козлов демонстративно величал отца «хозяином», так, как когда-то приучил называть себя Сталин.

«30 октября перед утренним заседанием съезда произошел казус, – я вновь цитирую воспоминания Мухитдинова. – Вместо первого секретаря ЦК Компартии Грузии Василия Павловича Мжаванадзе пришлось срочно готовить к выступлению председателя Совета Министров республики Гиви Дмитриевича Джавахишвили. Мжаванадзе после разговора с ним Козлова пришел утром на заседание съезда с завязанным горлом и шепотом сказал, что у него начался воспалительный процесс, он охрип и говорить не может. Остановились на Джавахишвили, который, правда, сопротивлялся, но ему навязали это выступление».

Мжаванадзе выступать не хотелось куда больше, чем Мухитдинову: тот останется в Москве, а ему возвращаться в Грузию.

Тем же утром отец вызвал генерала Захарова и коменданта Кремля генерала Андрея Яковлевича Веденина и поручил им произвести перезахоронение Сталина, естественно, после принятия съездом соответствующего решения.

– Место обозначено. Комендант Кремля знает, где рыть могилу, – так, согласно воспоминаниям Захарова, наставлял генералов отец. – Необходимо произвести все без шума и работу завершить сегодня же вечером. Конкретные инструкции получите у товарища Шверника.

Еще только открывалось заседание съезда, а работа по выполнению его предстоящего решения уже началась.

«Командиру Отдельного (Кремлевского) полка специального назначения Комендатуры Московского Кремля генералу Коневу приказали в столярной мастерской сделать из хорошей сухой древесины гроб. Древесину обтянули черным и красным крепом, так что выглядел он очень неплохо и даже богато. Начальнику Хозяйственного отдела 9-го управления КГБ полковнику Тарасову поручили закрыть фанерой правую и левую стороны сзади Мавзолея, чтобы место работы не просматривалось. От Комендатуры Кремля к 18 часам выделили шесть солдат для рытья могилы и восемь офицеров для выноса саркофага из Мавзо-

лея, – детально описывает происходившее в тот день генерал Захаров. – Всех отобранных тщательно проинструктировали и предупредили о неразглашении поручаемой им работы.

В мастерской Арсенала художник Савинов изготовил широкую белую ленту с одним словом: “Ленин”. Ею решили закрыть на Мавзолее надпись “Ленин – Сталин”.

Председателю Моссовета Дыгаю поручили подготовить десять бетонных плит для укрепления стен могилы. Последняя, одиннадцатая, мраморная плита с надписью “Сталин Иосиф Виссарионович 1879–1953” предназначалась в качестве надгробия».

В предусмотренное регламентом время съезд продолжил свою работу.

«От республик Средней Азии и Казахстана никто не выступал, – констатирует Мухитдинов. – Таким образом, в поддержку предложения Спиридонова выступили первый секретарь Московского горкома партии Демичев, Джавахишвили, Дора Лазуркина, член КПСС с 1902 года. В заключение выступил Подгорный, который от имени ленинградской и московской делегаций, делегаций Компартии Украины и Грузии внес на рассмотрение проект постановления XXII съезда КПСС:

1. Мавзолей на Красной площади у Кремлевской стены, созданный для увековечивания памяти Владимира Ильича Ленина – бессмертного основателя Коммунистической партии Советского государства, вождя и учителя трудящихся всего мира, именовать впредь: “Мавзолей Владимира Ильича Ленина”.

2. Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина».

В моей памяти деталей «сталинского» заседания съезда не сохранилось. Я даже не помню, присутствовал ли я на нем или нет. В отличие шока от «секретного» доклада на XX съезде, на сей раз я был спокоен, так как заранее знал, что произойдет, и происходившее в зале не казалось мне таким уж драматическим.

«Я присутствовал в зале съезда, когда 1-й секретарь Ленинградского обкома партии Спиридонов внес предложение о выносе тела Сталина из Мавзолея, – вспоминает генерал Захаров. – Председательствовал Хрущев».

– Вопрос серьезный, следует проголосовать. Нет возражений? – спрашивает Никита Сергеевич.

– Нет, – раздаются голоса.

– Тогда ставлю на голосование. Кто за предложение, внесенное товарищем Спиридоновым, прошу поднять руки. Хорошо. Кто против? Нет! Кто воздержался? Тоже нет. Предложение принято единогласно.

«В зале съезда установилась тишина, как будто делегаты ждали еще чего-то», – пишет Захаров. Ждали, что грянет гром, разверзнется земля или, хуже того, вдруг откроется не приметная дверь позади Президиума и в кремлевский зал войдет Сталин. Однако ничего не происходило.

«Хрущев оборвал затянувшуюся паузу, сказал несколько слов о перезахоронении, объявил заседание оконченным. Единодушие делегатов оказалось призрачным, – пишет генерал Захаров. Сразу после голосования член комиссии Мжаванадзе поспешно улетел в Грузию и участия в перезахоронении не принимал».

Тем временем по ту сторону Кремлевской стены заканчивались последние приготовления. «В 18.00 проходы на Красную площадь закрыли, после чего солдаты принялись рыть могилу... – по-военному четко рассказывает Захаров. – Подвезли бетонные плиты, ими обложили яму, а затем обшили ее изнутри фанерой.

Шверник меня предупредил, что комиссия приедет к 21.00. Шелепин и Демичев появились заранее, интересовались ходом работ. Когда все члены комиссии прибыли в Мавзолей, восемь офицеров взяли саркофаг и понесли его вниз, в подвал под Мавзолеем, где размещается лаборатория, я отметил, что даже на бальзамированном лице Сталина прорисовывались оспинки...

Никто не приказывал Сталина раздевать. Не только мундир генералиссимуса, но и вообще никакой одежды на нем не трогали. Шверник распорядился снять с мундира Золотую Звезду Героя Социалистического Труда и заменить золотые пуговицы мундира на латунные. Все это выполнил комендант Мавзолея Машков. Снятую награду и пуговицы он передал в специальную комнату, где хранились награды всех захороненных у Кремлевской стены.

Когда гроб с телом Сталина накрывали крышкой, Шверник и Джавахишвили зарыдали. Потом гроб подняли, и все двинулись к выходу. Расчувствовавшегося Шверника поддерживал телохранитель, за ним шел Джавахишвили. Плакали только двое.

Офицеры осторожно опустили гроб в обитую фанерой могилу. Кто-то бросил горсть земли. Могилу зарыли. Сверху положили плиту из белого мрамора. Потом она еще долго накрывала могилу, пока не поставили бюст.

Захоронив Сталина, мы всей комиссией вернулись в Кремль, где Шверник дал подписать акт о перезахоронении Сталина.

Тем временем у Кремлевской стены демонтировали маскировочный экран из фанеры, ограждавший Мавзолей по сторонам, произвели уборку. К утру было такое ощущение, что ночью ничего не произошло, а Сталин всегда покоился у Кремлевской стены» рядом с его верными соратниками. Где могилы его противников и тех соратников, которые показались Сталину не очень верными, мы уже никогда не узнаем...

Для делегатов съезда в тот вечер давали оперу», – этими словами генерал Захаров завершает свои воспоминания.

Как докладывал отцу Шелепин, «заметной реакции в обществе на перезахоронение Сталина не последовало».

2 декабря 1961 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О признании утратившими силу законодательные акты СССР о присвоении имени И. В. Сталина...» – и дальше – длинный список. Следом начиналось повальное переименование населенных пунктов, носивших имя Сталина. Одним возвращали старые имена, другим придумывали новые, нейтральные, вроде Донецка, до революции он назывался Юзовкой, в честь англичанина Хьюза, основателя и владельца первых металлургических заводов в Донбассе, а потом, короткое время – Троцком. Оба имени явно не годились. Сталинград стал Волгоградом, старое имя – Царицын – показалось идеологически неблагозвучным, хотя и происходило от протекавшей поблизости речки Царица. Почему ее называли так, уже никто и не помнит.

Одновременно сносили сталинские монументы, расставленные по всей нашей земле, исключение сделали только для Грузии. В Гори, на родине Сталина, памятник ему не тронули.

Замена изваяний при смене правителей – дело не новое, истории хорошо известно. Вот только древние подходили к делу более рационально. Римляне, к примеру, изготавливали статуи со съемной головой. Ушел из жизни цезарь или император, тут же вытесывали под нового властителя новую голову, а остальное: торс в тоге, руки, ноги оставляли старыми.